

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

О НЕКОТОРЫХ МОМЕНТАХ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение этнографии, культуры и быта колхозного крестьянства проводится в течение многих лет, но особенно много внимания уделяется этой теме в послевоенный период. За такой срок мог быть создан ряд солидных трудов. Однако до сих пор мы имеем в основном отдельные журнальные статьи или доклады на научных совещаниях.

Такое положение явно не может удовлетворять этнографов, и журнал «Советская этнография» правильно сделал, предоставив место для высказывания суждений о проделанной работе, ее достоинствах и ошибках, о ее методике. Опубликованные работы по быту и культуре колхозного крестьянства имеют характер монографических описаний отдельных колхозов или тематических исследований по отдельным вопросам культуры или быта колхозников. Нам представляется нелишним остановиться на особенностях той или другой формы. На этнографическом совещании 1951 г. поднимался вопрос о том, какой вид исследования является наиболее рациональным и дает лучшие результаты.

Нам кажется, что монографический метод, примененный к описанию отдельных колхозов, имеет ряд отрицательных моментов. Монографическое описание колхоза неизбежно должно охватывать все стороны его жизни, в том числе технику производства и экономику. Современный укрупненный колхоз, с его мощной техникой и сложной экономикой, нельзя изучить без глубоких специальных знаний в этих областях. Этнограф-исследователь выступает в таких случаях как неспециалист, дилетант, что не может не отразиться на качестве работы. В связи с этим возникла мысль, осуществляемая уже в ряде экспедиций, а именно — включение в состав экспедиций специалистов по технике и экономике сельского хозяйства и превращение экспедиций в комплексные.

Но нас интересует работа именно этнографов, их место в изучении колхозного крестьянства.

Типичную для монографических работ по колхозам описательность некоторые товарищи объясняют недостаточной углубленностью работы, краткими ее сроками.

Нам кажется, что дело не только в этом. Само требование монографического изучения толкает к описательности, особенно если работа выполняется одним человеком. Ни один исследователь не может быть специалистом по всем сторонам колхозной жизни. Поэтому в большей части монографии автор невольно будет только описателем, и лишь в тех вопросах, в которых он является специалистом, он сможет дать большую глубину исследования.

Вторым и еще более существенным моментом является то, что всякая монография, посвященная одному колхозу, не может дать достаточного материала для глубоких выводов и обобщений, для выявления каких-то закономерностей. В лучшем случае исследователь сможет проследить на своем объекте отражение общих и ранее ему известных закономерностей. Правда, при наличии большого числа высококачественных монографических описаний тщательно выбранных объектов, которое может явиться результатом планомерной, длительной и тщательной работы, проводящейся по единой программе, можно было бы построить обобщающие и глубокие работы, но это дело длительного времени. Да и при этих условиях монографическое исследование отдельных колхозов будет служить лишь материалом для дальнейшей работы.

Вот почему, по нашему мнению, не отрицая возможности и целесообразности монографических работ, необходимо все же уделять значительно больше внимания, чем это наблюдается сейчас, тематическим исследованиям по основным вопросам культуры и быта народа.

Тематические работы могут быть построены в основном на этнографическом, при этом в значительной степени на полевом материале, в котором этнограф является в полной мере «хозяйником». Само собой разумеется, что мы не призываем замкнуться в рамках только этого материала и отказаться от использования в своей работе фактических данных и выводов истории, археологии, языкознания и других наук. Тем более нельзя игнорировать вопросы экономики, так как без понимания экономического строя общества нельзя понять ни одного общественного явления, ни одного элемента культуры и быта. Однако экономика не будет занимать столько места, как в монографическом описании колхоза.

При выборе темы работы каждый исследователь, руководствуясь прежде всего значимостью темы, вместе с тем будет учитывать свои возможности и выступать как специалист в определенной области (материальная культура, народное искусство, семейный быт, социальные отношения и т. п.), где он сможет дать наибольшую глубину изучения. Не будучи ограничен территориальными рамками своего объекта, он сможет провести большое число наблюдений, изучить особенности различных районов и, таким образом, будет иметь обильный материал и возможность широких и обоснованных сравнений, что необходимо для всякого серьезного исследования.

Может быть, именно в силу вышесказанного и на этнографическом совещании 1951 г. раздавался ряд голосов в пользу усиления тематических исследований наряду с монографическими. Но, конечно, отсюда нельзя сделать вывод, что всякое тематическое исследование будет глубже и значительнее всякого монографического.

В статье П. И. Кушнера, опубликованной в № 1 журнала «Советская этнография» за 1952 г., указывается, что одной из причин недостаточно высокого уровня работ советских этнографов по изучению колхозного крестьянства служит то, что за объект изучения брали колхоз, а не селение в целом. Это суждение вызвало различные отклики в статьях тт. Кислякова, Воробьева, Воздвиженской и Лашук.

Соглашаясь с Н. А. Кисляковым в том, что вряд ли это может являться одной из основных причин недостатков известных нам работ, вместе с тем я думаю, что правильнее изучать селение, аул, кишлак в целом, как сложившиеся в течение длительного исторического периода сообщества людей. Сама история сложения и развития данного колхоза будет понятнее и ярче в том случае, если мы будем рассматривать селение в целом, как в дореволюционный, так и в советский период. В прошлом каждое селение имело свою специфику, свой, если можно так выразиться, социально-политический облик, и по-разному в нем могли происходить процессы переустройства хозяйства и быта. На это воздействовала и та часть населения, которая не являлась членами колхозов. Объектом наше-

го изучения является не колхоз, не селение, а народ в пределах (при монографическом описании) колхоза или селения. При исследовании мы не можем искусственно отделять колхозников от неколхозников (врачи, учителя, рабочие промкомбинатов и т. п.), обитающих в пределах территории колхоза и зачастую являющихся родственниками колхозников, живущими общим семейным бытом.

Попутно мне хочется также обратить внимание этнографов на еще одну группу сельского населения, которая до сих пор не привлекала должного внимания. Я говорю о рабочих совхозов. Их быт и культура представляют собой своеобразный интерес. Производство в совхозах такое же, как и в крупных колхозах, но организация его, система оплаты труда другая, построенная на тех же принципах, что и оплата рабочих и служащих города. Это сочетание накладывает свой отпечаток на формы быта и на сознание работающих в совхозах, обычно бывших крестьян или их детей, и не может не интересовать советских этнографов. В этом нас убедил и наш опыт работы в одном из крупных совхозов РСФСР.

Статья П. И. Кушнера кончается словами о том, что «методы тематического исследования не вызывают пока споров среди советских этнографов, а потому об этом можно в данной статье и не говорить»¹.

Нам кажется, что необходимо говорить еще об одном моменте, равно относящемся как к монографическому, так и к тематическому исследованию. Мы знаем, что специфика этнографического исследования состоит и в его методике — непосредственном наблюдении и сборе сведений из уст живых людей — информаторов. Такими информаторами являются и колхозники — они одновременно и источник сведений и объект изучения.

Но колхозное крестьянство качественно отлично от старого дореволюционного крестьянства, которое изучали тогда этнографы. Новое качество возникло в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в результате такого переворота, как коллективизация.

И. В. Сталин писал: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»².

Следовательно, ведя беседы, задавая вопросы, собирая материал, современный этнограф не может слепо копировать работу дореволюционных ученых, он должен в своей методике учитывать это новое качество.

В старое время между исследователем-этнографом и объектом его изучения было большое различие в общественном положении и культурном уровне. Один был угнетенный, в большинстве случаев неграмотный, опутанный суевериями крестьянин (особенно, если говорить о народах бывших колоний царской России), а другой — ученый.

Иное дело сейчас, в нашей советской действительности, где существенные различия между физическим и умственным трудом, между городом и деревней стираются.

В нашей полевой работе в большинстве случаев в лице исследователя и информатора встречаются два равных или почти равных по культуре человека. Отсюда очевидна разница в самом подходе, разговоре, системе вопросов, всей методике работы. Если раньше информатор был пассивен и являлся только источником, то современные наши информаторы активны, в той или иной мере они — наши соавторы. Информатор критически подходит к заданным ему вопросам, часто сам подсказывает направление работы, высказывает обобщение.

¹ П. И. Кушнер, *Об этнографическом изучении колхозного крестьянства*, «Советская этнография», 1952, № 1.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

При этих условиях особенно повышается наша ответственность и перед всеми будущими читателями и перед нашими информаторами не только за передачу фактов, но и за их толкование. Позвольте привести личный пример. В процессе работы над темой «Труд и быт женщины дореволюционной и Советской Кабарды» я встречалась с информаторами — рядовыми колхозницами и знатными женщинами Кабардинской АССР. Я писала о их жизни, о жизни их матерей и бабушек. При исследовании материала, собранного из различных источников (личные наблюдения, сведения от информаторов, архивные документы, фольклор и литература), у меня сложилась определенная концепция, трактовка этого материала.

Вполне естественно, что эту основную линию работы, эту концепцию мне захотелось проверить, подтвердить или опровергнуть путем изложения ее моим «соавторам» — информаторам, одновременно героиням моего исследования.

С помощью отдела по работе среди женщин при Кабардинском обкоме ВКП(б) было проведено совещание кабардинок — депутатов Верховного Совета КАССР. На этой беседе, где я изложила основные вопросы своей работы, присутствовали колхозницы, сельская интеллигенция и партийные работники. С большой активностью обсуждали они мое сообщение, подтверждали отдельные положения или не соглашались с ними. Эта беседа принесла мне большую пользу, и мне кажется, что при малейшей возможности надо стремиться к такой проверке своих выводов информаторами, помогавшими в работе. Формы могут быть различными — предварительный доклад, индивидуальная беседа, публикация в местной печати краткого сообщения о проделанной работе и т. п.

Говоря о новом в методике, надо учесть и еще один момент, новую для исследователя трудность.

Информаторы дореволюционных этнографов в большинстве случаев жили всю жизнь в одном месте, были неграмотными или полуграмотными, имели более ограниченный кругозор, меньше подвергались воздействию извне, в частности литературным влияниям, и, следовательно, передавали в большинстве случаев опыт и наблюдения свои личные или небольшого круга людей.

Кругозор современных информаторов очень широк, они читают книги, газеты, смотрят кинокартины и театральные постановки. Иногда, при неправильно построенной беседе, информатор начинает излагать не свой личный материал, служащий для нас источником, а почерпнутый им из газет, литературы и т. п.

В таких случаях исследователь должен осторожно и умело отделить одно от другого. Выделяя личный материал, необходимо вместе с тем отметить факт привлечения информатором литературного материала, как показатель его уровня. Надо учесть его интерпретацию прочитанного, сравнения, проводимые им с живой жизнью, так как все это, хотя и не сообщает нам фактов для исследования, но само по себе является показателем того качественно нового, что появилось в результате достижений социалистического строительства в деревне.

При недостаточной же внимательности к этому моменту может получиться так же, как с некоторыми неподготовленными и незадачливыми фольклористами первых лет советского строительства, которые усердно выискивали «местные» частушки, напечатанные, как впоследствии оказывалось, в отрывном календаре, откуда их и взяли исполнители.

Итак, качественное изменение нашего объекта изучения, основного источника нашей информации, требует изменения нашей методики в сторону большего соавторства с информаторами, более тщательного отбора и проверки данных и самой концепции, более активного нашего вмешательства в жизнь и доведения наших выводов до широких масс.